

В. И. Дьяченко

**АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
НА АРКТИЧЕСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЯКУТИИ
В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.
И ДОЛГАНСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В СОБРАНИЯХ КУНСТКАМЕРЫ**

Среди многочисленных фотографических коллекций Кунсткамеры по этнографии народов Сибири значительное место занимают собрания по долганам — самому молодому этносу из арктических народов нашей страны.

Долганская народность была официально оформлена на этнической карте нашей страны в декабре 1930 г., когда был образован Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ. Новый этнос составили, как известно, три основных этнических компонента: тунгусы, якуты и русские. Так что проблемы происхождения долган во многом сводятся к вопросам этнокультурного взаимодействия именно этих трех этнических единиц. Каждая из них придала новому этносу те неотъемлемые черты, которые вместе сформировали новую яркую культуру на крайнем севере Сибири, дисперсно рассредоточенную на протяженной территории от устья Енисея до низовьев р. Анабар.

В течение длительного времени на Таймыре и прилегающих к нему на востоке территориях происходили процессы интеграции русских оседлых промышленников с якутами, так же как и якутов с тунгусами. Якуты и русские усваивали оленеводческий образ жизни тунгусов, выработанные веками промыслово-охотничьи навыки и приемы. Те же, в свою очередь, усваивали якутский язык, русские технические приемы и элементы православной культуры.

Почтовый тракт, соединивший две великие сибирские реки Енисей и Лену, сыграл определяющее значение в формировании долган. Он послужил неким катализатором в этнических процессах, происходящих в этом регионе, и спо-

собствовал оседанию или привязке кочевников к определенным точкам на карте в зоне лесотундры.

Предки охотников-оленеводов, проживавших на границе тундры и лесотундры, там, где и возник тракт, были выходцами из разных регионов. Здесь осели потомки русских старожилов, с одной стороны, а также илимпейские тунгусы и ессейские якуты, пришедшие с юга, — с другой. Со стороны Лены через Оленек в сторону Таймыра проникали объякученные русские, вилюйские тунгусы, ламуты и якуты. Это определило специфику формирования долганского этноса, его многосоставность и трудность в первоначальном определении этнической принадлежности населения Хатанго-Ленского региона. Тем более что подвижный образ жизни охотников-оленеводов способствовал широкому распространению смешанных браков, детей от которых причисляли к той или иной национальности по-разному, часто в зависимости от обстоятельств.

Большую роль в деле изучения молодого этноса и собирании коллекций по культуре долган сыграли экспедиции Академии наук, которые были призваны, постепенно стирая белые пятна на карте Сибири, изучать географию и коренное население арктических регионов. Три академических экспедиции, имена руководителей которых оставили яркий след в истории арктических исследований, внесли существенный вклад в сохранение материальных памятников культуры формирующегося этноса.

А.А. Бунге¹ (рис. 1²) после окончания медицинского факультета Дерптского (ныне — Тартуского) университета и защиты диссертации на степень доктора медицины, работал врачом в больницах Дерпта и Петербурга. В 1881 г. он в качестве врача принимал участие в экспедиции, организованной Русским географическим обществом к устью реки Лены.

В 1882 и 1883 гг. исследования в Арктике получили импульс международного сотрудничества. Русское географическое общество в рамках организованного Первого международного полярного года обустроило две полярные станции: одну — на Новой Земле, а вторую — на острове Сагастыр, расположенном в дельте реки Лены.

В проведении Первого международного полярного года приняли участие двенадцать стран, которыми были устроены тринадцать станций в Арктике и две — в Антарктике. По постановлению Международной полярной конференции в Петербурге, обязательными для всех этих станций было проведение метеорологических и геомагнитных наблюдений, чем многие страны и ограничились. Однако некоторые государства, в том числе и Россия, включили в свою программу также исследования по гидрологии, зоологии, ботанике, геологии и антропологии.

А.А. Бунге работал в течение двух лет на севере Якутии, в дельте Лены, сначала помощником начальника, а затем начальником метеостанции. Он возглавлял метеорологические наблюдения, а также вел ботанические и зоологические исследования. После проведения первой зимовки Бунге летом 1883 г.

¹ Бунге Александр Александрович (1851–1930), военно-морской врач, зоолог, доктор медицины, исследователь Арктики. Как опытный полярник входил в состав Комиссии по организации арктических экспедиций при Главном гидрографическом управлении. До последних дней он пристально следил за исследованиями Арктики. Скончался в Таллинне.

² Здесь и далее даются ссылки на рисунки, размещенные на диске.

осуществил поездку на Быковскую протоку дельты Лены в то место, где в 1806 г. естествоиспытатель Михаил Адамс добыл первый в истории науки остов мамонта, который доставил в петербургскую Кунсткамеру³.

По дороге Бунге обследовал протоки и острова дельты Лены, а также побывал на месте последнего лагеря Д. Де-Лонга, трагически погибшего на северном побережье Ленского архипелага. В этой поездке он собрал коллекцию костей ископаемых животных и богатые минералогические и ботанические коллекции.

Для петербургской Кунсткамеры исследователь отправил из арктического региона Якутии этнографические экспонаты, приобретенные у коренных жителей дельты Лены, а также собранные им в местах захоронений в районе Сагастыра. В эту коллекцию (№ 147), которую регистрировал в Музее антропологии и этнографии В.И. Иохельсон, вошли бытовые вещи, одежда, орудия охотничьего промысла, шаманские предметы, объекты из мамонтовой кости и др., всего 49 предметов (рис. 2–6). Между прочим, в описи коллекции Иохельсон атрибутировал экспонаты, принадлежащие как ламутам, так и тунгусам. Если это так (а регистратор был известным специалистом по этнографии северо-востока Азии), то в конце XIX в. в дельте Лены тунгусы и ламуты проживали совместно (т.е. здесь имело место соприкосновение эвенкийской и эвенской культур). Еще одно важное замечание Бунге состояло в том, что, как подчеркивал исследователь, некоторые бытовые предметы «употребляются северными якутами, тунгусами и долганами», т.е. у разных этносов в это время бытовали общие элементы культуры.

За важные результаты, полученные в результате проведения этой поездки, по решению Императорского Русского географического общества экспедиция Бунге осталась еще на одну зимовку. Результаты Ленской экспедиции А.А. Бунге обобщил в труде «Описание путешествия в устье реки Лены 1881–1884», изданном в Санкт-Петербурге в 1885 г.

В 1883 г. российскими академиками Ф.Б. Шмидтом, Л.Н. Шренком и К.И. Максимовичем, которые поддерживали всесторонние исследования арктических районов, в Академию наук был внесен проект организации новой двухлетней полярной экспедиции. Программа была направлена на исследование прибрежных районов Якутии. Это касалось в первую очередь огромного арктического региона, простирающегося на восток от р. Лены, включая группу больших островов, названных позднее Новосибирскими. По прошению президента Академии наук в январе 1884 г. этот проект по снаряжению экспедиции был утвержден правительством. Руководство экспедицией было возложено на уже опытного полярного исследователя А.А. Бунге.

Бунге не преминул возможностью добиться приглашения в свою экспедицию своего земляка Эдуарда Толля: весной 1884 г. последний получил предложение Академии наук принять участие в полярной экспедиции под его руководством.

А.А. Бунге был старше Э.В. Толля на семь лет (он уже закончил медицинский факультет Дерптского университета, когда Толль только поступал туда). А.А. Бунге в одном из своих писем писал: «Мы быстро познакомились с Тол-

³ Через много лет, в 1896 г., скелет мамонта, воссозданный для обозрения, передали в открывшийся в Петербурге Зоологический музей, где он находится до настоящего времени.

лем и во время студенческих празднеств постоянно вели исключительно научные разговоры, преимущественно на зоологические темы (происхождение видов и подобное). Окружающее нас общее веселье нисколько этому не мешало». Бунге пленяло «непреодолимое стремление молодого Толля к научным исследованиям» [Виттенбург 1960: 11].

После проведения второй зимовки и решения организационных вопросов, связанных с организацией будущей экспедиции, А.А. Бунге поднялся с устья Лены в верховья и далее в Иркутск, где дождался прибытия Э.В. Толля. В начале марта 1885 г. Бунге и Толль выехали из Иркутска в Якутск, а в Верхоянск — отправной пункт проведения исследований — они прибыли 19 марта.

Спустившись на лодке вниз по течению р. Яны и исследовав ее берега, в августе 1885 г. путешественники достигли села Казачьего, где экспедиции следовало осуществить первую полярную зимовку. Спустя некоторое время исследователи разделились маршрутами: Бунге с организационной целью до зимы побывал в Усть-Янске, а Толль объехал для геологического обследования побережья — прианскую тундру, посетив селение Булун в низовьях Лены. В октябре Бунге и Толль вновь встретились в селе Казачьем.

Во время проведения этой экспедиции Бунге самостоятельно обследовал остров Большой Ляховский и осуществил съемку юго-восточного берега о. Котельный. Благодаря его руководству экспедицией было составлено геологическое описание Новосибирских островов, собраны обширные коллекции ископаемых животных и растений — две с половиной тысячи экспонатов.

А.А. Бунге постоянно контактировал с коренным населением, представители которого служили у него проводниками-каюрами, переводчиками и др., оказывал медицинскую помощь местным жителям. Нередко, чтобы получить врачебную поддержку и бесплатные лекарства, местные жители приезжали к нему за много сотен верст. О благородной деятельности Бунге говорит теперь название Докторский Мыс на морской карте Якутии.

5 декабря 1886 г. в Академию наук была послана телеграмма: «Экспедиция окончена благополучно. Летовали на двух островах: Бунге — на Большом Ляховском, Толль — на Котельном. Весной осмотрены все пять островов, особенно Новая Сибирь Толлем. Выехали на берег в последних числах октября. Все участники здоровы. Научная добыча богатая. Якутск-Киренск. Бунге, Толль» (цит. по: [Виттенбург 1960: 28]). Весной 1887 г. после пятилетнего пребывания в Арктике А.А. Бунге возвратился в Петербург.

А.А. Бунге был одним из первых полярников, кто в экспедиции использовал фотоаппарат, а его фотографические карточки вошли в одну из первых коллекций по народам Сибири, хранящихся в петербургской Кунсткамере.

В 1885 г. в Музей антропологии и этнографии поступили четыре фотографии и сопроводительное письмо от доктора А.А. Бунге. Это первые фотографии по этнографии якутов. Как видно из текста письма, этот фотоиллюстративный материал был отослан из Верхоянска 31 мая того же года. Можно полагать, что эти снимки были сделаны Бунге в Якутске, где он останавливался по пути в Верхоянск.

На фотографиях изображена, очевидно, одна и та же девушка в традиционной якутской одежде. На первых двух фотографиях (рис. 7–8) она снята в полный рост, одетая в демисезонное пальто (*сон*) традиционного покроя, с отложным воротником и подпоясанным широким матерчатым поясом. На голове

у нее высокая меховая шапка (*дбабака*) с суконной верхушкой, на которую нашит металлический круг. Пальто украшено многочисленными нашивными металлическими подвесками, на шее у девушки надето шейное украшение в виде обруча, а на запястьях — серебряные браслеты. Вид сзади демонстрирует особенности покроя пальто, а также форму и длину меховой шапки.

В монографии В.С. Серошевского один из снимков (рис. 9) назван «Девушка-невеста (Амгинско-Ленское плоскогорье)» [Серошевский 1993: 558]⁴. Сидящая на стуле девушка одета в платье, на ногах — расшитые фигурными серебряными бляшками торбаса. На шее у девушки — нагрудное ажурное серебряное украшение с крестом, в ушах — серьги, а на запястьях — браслеты. В левой руке девушка держит курительную трубку с длинным металлическим мундштуком. Девушка снята и в профиль (рис. 10). По этой фотографии можно судить об антропологическом типе якутов.

Следующая страница изучения Арктики, отраженная в коллекциях петербургской Кунсткамеры, непосредственно связана с именем Э.В. Толля⁵ (рис. 11). Три экспедиции выпало на короткую, но яркую жизнь ученого, оставившего после себя пример беззаветного служения науке и Отечеству.

Экспедиция Э.В. Толля в Приянский край и на Новосибирские острова (1885–1886 гг.)

Весной 1884 г. Толль получил предложение Академии наук принять участие в экспедиции под руководством А.А. Бунге. Толль стал его помощником в академической экспедиции, организованной для «исследования побережья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно от Лены по Яне, Индигирке, Алазее и Колыме и пр., в особенности больших островов, лежащих в не слишком большом расстоянии от этого берега и получивших название Новой Сибири» [Виттенбург 1960: 9]. Ему предстояло проводить самые разнообразные изыскания — геологические, метеорологические, ботанические, географические. Э.В. Толль с большим увлечением приступил к подготовке экспедиции, план которой был составлен Полярной комиссией Академии наук, работавшей под председательством академика Л.Н. Шренка. В 1885 г., на первоначальном этапе экспедиции на Толля было возложено обследование в геологическом отношении берегов реки Яны в верхнем ее течении, а также ему было поручено исследовать склоны Верхоянского хребта.

⁴ В одном из каталогов, посвященных визуальному наследию народов Якутии, авторство этой фотографии ошибочно приписано известному ссыльному фотографу Акиму Курочкину [Визуальное наследие 2011: 16].

⁵ Толль Эдуард Васильевич (1858–1902) — выдающийся путешественник, исследователь северо-восточных и арктических пространств Российской империи. Родился в г. Ревель (ныне — Таллинн). В 1872 г. его семья переехала в г. Дерпт (Тарту), где Эдуард поступил в местный университет на естественно-исторический факультет. Он изучал минералогию, геологию, ботанику, зоологию, медицину, защитил кандидатскую диссертацию по зоологии и был оставлен при университете. Толль постоянно углублял знания в зоологии, не забывая и геологическую науку, чем расположил к себе директора Геологического музея академика Императорской Академии наук, участника двух экспедиций в Сибирь Ф.Б. Шмидта. Последний пригласил Толля на должность ученого хранителя в Минералогическом музее Академии наук. Погиб во время поисков Земли Санникова, возвращаясь с тремя спутниками с острова Беннетта на материк в ноябре 1902 г.

Весной 1886 г. Толль во главе отдельного отряда обследовал острова Большой Ляховский, Землю Бунге, Фаддеевский и западный берег Новой Сибири. Летом Толль за полтора месяца объехал на нартах все побережье острова Котельный. 13 августа 1886 г. в жизни Э.В. Толля случилось событие, определившее всю его дальнейшую судьбу. С северного берега острова Котельный он увидел вдалеке контуры четырех столовых гор. Вид их был настолько отчетливым, что Толль даже определил расстояние до гор — около ста пятидесяти верст. С этого момента все оставшиеся дни его жизни были подчинены мечте о достижении увиденной земли. Он уверовал, что перед ним была Земля Санникова⁶.

В этой экспедиции Толль очень подружился со своими проводниками-каюрами из эвенов, которых звали Джергели и Омунджа (рис. 12–13). Эту трогательную дружбу Толль чрезвычайно ценил и вспоминал их очень часто. Перед уходом с острова Котельный Толль и Джергели как-то раз сидели в палатке у огонька и пили чай. Джергели, возвращаясь к своей любимой теме, спросил: «Хозяин, а на Земле Санникова тоже есть плавник, олени и кости?» Услышав утвердительный ответ Толля, проводник стал оживленным при мысли, что там можно хорошо охотиться на оленей и собирать мамонтовые бивни. Когда в разговоре о Земле Санникова Толль задал своему другу, семь раз летовавшему на Новосибирских островах и видевшему несколько лет подряд эту загадочную землю, вопрос: «Хочешь ли достигнуть этой дальней цели?» — тот дал ему следующий ответ: «Раз наступить ногой и умереть!» [Толль 1894: 451].

Толль полагал, что если гипотеза о существовании земли севернее Новосибирских островов подтвердится, то это окажется значимый по размерам архипелаг. Геологическое обследование такого архипелага, по мнению исследователя, чрезвычайно важно не только для изучения геологии севера Азии, но и для познания истории Земли.

После экспедиции под руководством А.А. Бунге Толль осуществил две самостоятельные поездки, которые существенно дополнили знания об Арктике.

Вторая экспедиция Э.В. Толля

Семь лет спустя, в 1893 г., состоялось второе путешествие Толля в Сибирь. Академия наук назначила его во главе экспедиции и поставила основной целью раскопки мамонта, обнаруженного местными промысловиками в тундре к востоку от устья Яны. Выехав из Петербурга в начале января 1893 г., Толль прибыл в низовья Яны весной (рис. 14). Как обнаружил на месте Толль, останки мамонта оказались малочисленными и не особенно интересными: были обнаружены только небольшие куски кожи ископаемого животного, покрытые шерстью, части конечностей и нижняя челюсть. Ни черепа, ни бивней мамонта обнаружить не удалось. Решив осмотреть место находки позднее, когда

⁶ Еще в 1805–1808 гг. якутский промышленник Яков Санников со своими товарищами во время походов на север в поисках новых промысловых мест открыли напротив устья р. Яны группу островов: Фаддеевский, Столбовой, Новая Сибирь. С островов Котельный и Новая Сибирь Санников увидел по направлению на северо-запад очертания другой земли, которую он пытался достигнуть. Но путь к ней преграждали имеющиеся здесь полыньи, остающиеся открытыми в течение большей части года. Названная его именем гипотетическая земля на долгие годы стала объектом устремлений арктических путешественников.

окончательно сойдет снег, исследователь решил тем временем отправиться на Новосибирские острова, чтобы пополнить наблюдения, произведенные во время первой экспедиции. Собственно, кроме раскопок мамонта (рис. 15) другие результаты экспедиции, продолжавшейся год и два дня, были существенно значимее.

Девятнадцатого апреля 1893 г. Э.В. Толль со своим помощником, военным моряком-гидрографом лейтенантом Е.И. Шилейко, и четырьмя каюрами отправился на собаках на остров Большой Ляховский. Двое из промысловиков, старые друзья — эвены Джергели и Омунджа — работали проводниками в предыдущей экспедиции. Объехав этот остров и остров Котельный, вновь увидев вдалеке очертания неизведанной земли, исследователи описывали встречавшиеся по пути геологические обнажения, производили магнитные и астрономические наблюдения. Кроме того, Толлем по собственной инициативе были подготовлены спасательные продовольственные места складирования («депо») для норвежского путешественника Ф. Нансена, который готовился пересечь эти острова, чтобы достичь Северного полюса. Провиант для экипажа «Фрама» — так называлось норвежское судно, на котором отважный полярник намеревался покорить высшую точку Северного полушария, был закуплен в Якутске и отправлен к устью Яны, откуда Толль перевез его на остров Котельный.

Возвращаться Толлю и его команде с островов приходилось в тяжелых условиях. Вот как описывает этот переход П.В. Виттенбург: «31 мая 1893 г. На льду между островами Котельным и Малым Ляховским. Где именно? — неизвестно. Фатальное положение: промокнув до костей, мы заблудились в снежной пустыне. <...> Километрах в 7 от места стоянки вдали показалась какая-то туманная полоса. Омунджа согласился с моим предположением, что это должен быть Малый Ляховский остров, но, тем не менее, взял направление на юг. Скоро полоса исчезла из вида. Мы опять потеряли дорогу и совершенно измокли.

Пройдя километров 18, мы остановились посоветоваться. Разбили палатку. Джергели без моего ведома, пока я шел впереди, бросил взятое нами с собой топливо, предполагая, что остров всего километрах в 20. Теперь и он, и Омунджа сильно приуныли, сознавая, что совершили оплошность. Пришлось их подбадривать в дороге, во-первых, порцией шоколада, во-вторых, чашкой теплого какао в палатке и, в-третьих, последним средством утешения — напоминанием, что в “Мишином стане” их ждет водка, которую успел за это время принести Михаил Санников. На это Омунджа сказал мне: “Ладно, хозяин, но если мы придем туда, да не найдем водки, мы помрем. А если ты дашь нам выпить, так уж досыта!” Вода так и течет отовсюду; все в воде, и ни малейшей надежды обсушиться при нашем жалком огне. Мы двое еще в хорошем настроении, но остальные совсем нахохлились. Как раз, пока я писал это, раздался радостный крик Джергели. Он увидел остров! <...>

Вчера при выступлении я так замерз, да и другие, пожалуй, не меньше, что только моей командой: “Музыка вперед!”, т.е. моим громким пением и подражанием барабанам, флейтам, а также притоптыванием, удалось кое-как поднять упавший дух отряда <...> После 8 1/2-часового перехода по гладкому, слегка покрытому сверху водой льду между ужасными торосами, местами по колени в воде, при температуре 0 градусов мы достигли 8 июня материка» [Виттенбург 1960: 40].

В июне 1893 г. началась вторая, чрезвычайно насыщенная часть экспедиции: путешественники отправились обследовать огромную территорию между реками Яной и Хатангой. Из местечка Айджергайдах (рис. 16), находящегося на морском побережье к востоку от устья Яны, экспедиция двинулась двумя отдельными партиями. Толль сначала поехал отдельно, чтобы еще раз осмотреть местонахождение мамонта на р. Санга-Юрях, а Шилейко направился к низовьям Лены северным путем вдоль побережья Восточно-Сибирского моря.

Прибыв на место, Толль убедился в своем первоначальном мнении, что местный промышленник Санников, нашедший мамонта и сообщивший о своей находке в Якутск (рис. 17), имел дело с разрозненными останками, а не с целым мамонтом. Поэтому исследователь приступил к выполнению второй части экспедиции и направился на оленях тундрой на запад, догоняя Шилейко.

Поездка Толля верхом на оленях от Айджергайдаха до Лены (около 1200 км) заняла по времени чуть больше месяца и убедила его в возможности перебираться через тундру во все времена года (рис. 18).

Партии Толля и Шилейко встретились 31 июля в одном из урочищ на реке Лене. Экспедиция, спустившись на лодках вниз по Лене и через ленскую дельту (рис. 19–21), благополучно достигла по протоке устья Оленека. Здесь экспедиция высадилась в селе Буолкалах. От реки с одноименным названием Толль проехал 700 км верхом на оленях до урочища Дороха. Проходя с грузом и седоками до 80 км в сутки, олени проявляли большую выносливость [Виттенбург 1960: 44].

Подготовившись к дальнейшему переходу, в конце августа караван экспедиции, состоявший из пятидесяти вьючных и верховых оленей, двинулся на запад. Туда, где в течение полутора последних столетий не ступала нога ни одного европейского путешественника. 2 сентября экспедиция достигла Анабарской губы, где Толль сделал первые фотографии аборигенов Анабарской тундры (рис. 22–25). Вглядываясь в лица охотников-оленьеводов, запечатленные на этих фотографиях конца XIX в., можно без труда обнаружить свидетельства большой метисации местных жителей. Невольно вспоминаются сведения о населении Хатангского тракта, неоднократно отмеченные исследователями, которым доводилось пересекать Таймырский полуостров с запада на восток.

«Зимовье Введенское. Здесь проживал крестьянин Затундринского общества Никита Лапутков, женатый на долганке: полудолган-полусамоед-полурусский <...> разрез глаз узкий, голубые глаза, голова лысая, на подбородке — редкая растительность. Зятем у него был долган, мать — самоедка, отец (метис) — затундринский крестьянин, жена — русская, дочь замужем за долганом, сын женат также на долганке.

Зимовье Авамское. Здесь живет крестьянин Затундринского общества, его староста Константин Аксенов — продукт смеси почти всех племен, населяющих Туруханский край. Прабабка его самоедка, дед и отец числились крестьянами, бабка была якуткой, мать — самоедка; жену имел тунгуску.

Станок Рассоха (у Боганиды) состоял из трех изб, в которых жили три долганские семьи Ессейской управы. Мы остановились у долгана Киприяна Савина. Дед его был некрещеный долган, бабка тунгуска, мать крестьянка. Женат он на якутке, имевшей мать тунгуску» [Рычков 1915: 109–115].

После съёмочных работ на Анабаре экспедиция проехала новым маршрутом на запад, связав астрономические определения пунктов на этой реке с первым точным астрономическим пунктом на западе, в селении Дудинском на Енисее.

Тридцатого сентября Толль расстался с Шилейко на Анабаре при летней погоде, а через несколько дней, 4 октября, в тундре выпал снег, и исследователи сменили верховую езду на оленях на нартенные упряжки.

Возвратившись с Анабара в Булун, чтобы рассчитаться за доставку коллекций с Новосибирских островов и для получения почты, в конце октября Толль выступил в обратный путь на запад и 5 ноября вернулся в урочище Дороха на Анабаре. Отсюда он проследовал через водораздел между Анабарой и Хатангой и в середине ноября, как было заранее договорено, Толль встретился в селении Хатангском со своим помощником лейтенантом Шилейко. Завершение экспедиции проходило очень стремительно: меньше чем за десять дней путешественники домчались до селения Дудинское на Енисее. Погода, несомненно, благоволила исследователям. Редко кому удавалось пересечь так быстро, «на одном дыхании» так называемую «большую русскую дорогу», т.е. девятистакилометровый тракт Хатанга — Дудинка. 4 декабря они были уже в Туруханске, а 16 декабря — в Енисейске. 8 января 1894 г. экспедиция возвратилась в Петербург.

Итак, вторая арктическая экспедиция под начальством Толля в продолжение одного года и двух суток преодолела колоссальное расстояние: от верховьев Яны до Новосибирских островов с юга на север и от устья Яны через Лену, Оленек, Анабар, Хатангу и Енисей с востока на запад. Причем все это было осуществлено на лодках, собаках, верхом на оленях и на нартенных упряжках. Маршрут столь огромной протяженности и чрезвычайной трудности Толль осуществил с поразительной быстротой, равнявшейся предельной скорости езды на оленях и собаках.

Таким образом, экспедиция обследовала в геологическом отношении Новосибирские острова, произвела около 4200 верст маршрутной съёмки, Толль впервые описал плоскогорье между реками Анабар и Попигай, исследователями были собраны значительные материалы по палеонтологии, большие коллекции по зоологии, ботанике и этнографии. Среди экспонатов, поступивших от экспедиции, возглавляемой Э.В. Толлем (колл. 250), в петербургскую Кунсткамеру, были ламутский женский передник, женская шапка ламутов, вышитые бисером торбаса, выючная сума, серница из мамонтового бивня (рис. 26—31).

Русская Полярная экспедиция на яхте «Заря» (1900—1902 гг.)

Спустя шесть лет, в 1900 г., Э.В. Толль был назначен начальником Русской Полярной экспедиции, организованной по его же инициативе для открытия и исследования Земли Санникова на судне «Заря». На ее проведение Николай I ассигновал 240 тыс. руб. В экспедиции приняли участие видные ученые: геодезист и метеоролог Ф.А. Матисен, топограф А.В. Колчак, зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля, астроном Ф.Г. Зеберг.

Экспедиционное судно отправилось из Петербурга 21 июня 1900 г., отшвартовавшись от Васильевского острова. За лето «Заря» прошла до западного побережья полуострова Таймыр, где из-за ледовой обстановки яхта встала на

зимовку. За это время участники экспедиции обследовали большой участок побережья Таймырского полуострова и архипелаг Норденшельда.

Прождав в акватории океана появления чистой воды, осенью 1901 г. Толль прошел на «Заре», обогнув мыс Челюскин, от Таймыра к Новосибирским островам почти не встречая льдов. 16 сентября 1901 г. у западного берега острова Котельный судно встало на вторую зимовку. В течение зимы «Заря» работала как стационарная метеорологическая и геофизическая наблюдательная станция. Полярники выполняли кратковременные выезды по маршрутам на собаках, подготавливая животных к будущему походу. Две зимовки у острова Котельный дали богатые научные результаты.

В январе Толль покинул яхту и направился в местечко Айджергайдах, недалеко от мыса Святой Нос, чтобы забрать там почту и отправить свою корреспонденцию. Как только разнеслась весть, что в Айджергайдах появился Толль, со всех сторон к нему потянулись бывшие проводники его прежних экспедиций. Приехали старый Джергели с сыном и Омунджа, а также многие другие промышленники, встречавшиеся с Толлем во время первых двух экспедиций. Благодаря своему гуманному и искренне дружескому отношению к коренному населению Толль неизменно пользовался всеобщим уважением и трогательной любовью. Взаимоотношения Толля с якутами и эвенами служили подтверждением, что его любовь вызывает ответные чувства. Эти скромные обитатели тундры, с которыми Толль постоянно делил и радость, и горе, были ему глубоко преданы и признательны за то искреннее уважение, с которым он относился к ним как к равным товарищам. Толль изучил их язык и обычаи, прекрасно понимал их быт и любил проводить с ними время в поварне за беседой у камелька. Он высоко ценил нравственные качества и честность аборигенов [Виттенбург 1960: 151].

Следующий случай, ранее приводимый Толлем в своем дневнике, может служить показателем их чуткости. Однажды, когда продукты были на исходе и Джергели заметил, что Толль разделил между всеми свой последний хлеб, он исчез и «порывшись в своих вещах, вернулся с двумя большими давно сберегаемыми пряниками, которые с торжествующим видом положил передо мною на стол, — пишет Толль. — “Ты не должен ни в чем нуждаться, всегда рад тебя выручить”, — говорил сияющий взгляд Джергели» [Толль 1959: 291].

19 марта прибыла следующая почта и Толль приготовил к отправке в Петербург свою последнюю корреспонденцию. Перед возвращением на «Зарю» Толль обсудил еще раз со своими старыми товарищами будущий поход на остров Беннетта, — последнюю твердь на пути к Земле Санникова. Джергели и Омунджа давали советы, как преодолеть возможные препятствия, но из-за преклонных лет старые проводники не могли сами принять участия в этом походе (рис. 32).

Вот что писал Толль о наступившем часе разлуки в своем дневнике: «24 марта Джергели провожал меня еще некоторое расстояние, стоя на полозьях нарты. Затем мы обнялись в последний раз и крикнули друг другу: “Прости, прости, прости!” Я долго видел его маленькую гибкую фигуру, видел, как он махал своей шапкой, обнажив седую восьмидесятилетнюю голову, — этот необычайно круглый череп, в котором были скрыты поразительная память, острый ум и верная, детски чистая душа. Этот милый ламут излучает такую искреннюю душевность, которую я не могу определить иначе, как “шарм”. Его образ

возбуждает в памяти столько воспоминаний, что мне хотелось бы посвятить ему целую главу, но не хватает для этого ни времени, ни места» [Толль 1959: 296–297] (рис. 33).

Одиннадцатого апреля после трехмесячного отсутствия Толль вернулся из Айджергайдаха на «Зарю», где застал всех участников экспедиции активными и здоровыми.

Ранней весной, когда было еще далеко до освобождения «Зари» из ледового плена, Толль принял решение направить в дальние маршруты две партии. Предполагалось, что осенью при хорошей ледовой обстановке «Заря» снимет с островов обе партии.

Первая группа, состоявшая из трех участников похода под начальством зоолога А.А. Бялиницкого-Бирули, 11 мая вышла на Новую Сибирь.

Толль, понимая, что плавание «Зари» к Земле Санникова будет из-за ледовой обстановки невозможно, решил достичь ее по льду без судна. Пятого июня 1902 г. Эдуард Васильевич Толль, астроном Фридрих Георгиевич Зеберг и двое промышленников-каюров: якут Василий Алексеевич Горохов (Чичаг) и юкагир Николай Семенович Протодяконов (он же Дьяконов или Омук) — вышли на нартах с трехмесячным запасом провизии и собачьими упряжками, тянувшими две байдары. По расчету Толля, даже если бы «Заре» не удалось снять партию с острова, взятой с собой провизии должно было хватить для перехода на остров Беннетта, питания на месте, а также и на обратный путь. Принималась также во внимание возможность охоты на белых медведей, моржей и тюленей в пути и на острове.

Готовившиеся к отъезду промышленники-каюры — бесстрашные в скитаниях по родной тундре, искусные и опытные охотники в столкновениях с медведем — опасались необычного для них путешествия. Великолепно приспособленные к жизни среди дикой суровой природы, обладающие хорошо развитыми органами чувств, отличавшимися поразительной остротой восприятия, они пасовали перед новой для них обстановкой. Толль высоко ценил их как опытных каюров и метких стрелков, но допускал, что вид водной стихии может устроить их. В этом случае он намеревался отпустить их обратно при столкновении с первой же полыней. Толль любил и уважал своих помощников и умел прекрасно с ними ладить, никогда не прибегая к мерам принуждения. Как писал П.В. Виттенбург, охотники Николай Дьяконов и Василий Горохов очень не хотели покидать остров Котельный и пошли с Толлем только из уважения к нему⁷.

Итак, они отправились по маршруту острова Котельный и Фаддеевский — мыс Высокий на Новой Сибири — остров Беннетта. Выдвинувшись 5 июня (по новому стилю) 1902 г. с места зимовки «Зари», Толль почти месяц продвигался на восток по северному берегу островов Котельный и Фаддеевский, безуспешно пытаясь обнаружить желанные очертания Земли Санникова. После недельного отдыха на мысе Высоком острова Новая Сибирь участники похода направились по льду на остров Беннетта. За первые двенадцать дней из-за больших торосов и полыней они прошли немногим больше пяти километров, затем продолжили путь на дрейфующей в северном направлении льдине и на байда-

⁷ Горохов знал Толля со времен экспедиции А.А. Бунге, тогда Василий был еще мальчиком и участвовал в экспедиции вместе со своим отцом [Виттенбург 1960: 153].

рах. Только в самом начале августа наконец отряд достиг острова Беннетта для его исследования⁸. Изучение этого небольшого острова продолжались больше трех месяцев.

Как уже говорилось, осенью с острова, как рассчитывал Толль, отряд должна была снять «Заря». Но ледовая обстановка сложилась крайне тяжелой, и судно не смогло пробиться ни к острову Беннетта, ни к Новой Сибири. После трех неудачных попыток, оказавшись перед угрозой нехватки угля и потери судна с оставшимися членами экипажа лейтенант Ф.А. Матисен, оставшийся за командира «Зари», принял решение следовать в бухту Тикси. Капитан сделал на тот момент все возможное, но вынужден был отказаться от дальнейших попыток. К тому же истек назначенный самим Толлем срок — судно должно было подойти к острову до 3 сентября.

Остается только догадываться, что толкнуло отряд на такой безрассудный поступок, но, когда уже заканчивались запасы продовольствия, в начале ноября 1902 г. в наступившую полярную ночь, в сильные морозы Толль и три его спутника приняли решение продвигаться обратно по льду по направлению к Новой Сибири и пропали без вести.

Осенью, после неудачных попыток пробиться к острову Беннетта, «Заря» пришла в совершенно безлюдную тогда бухту Тикси, к юго-востоку от дельты Лены. На берегу бухты прихода Русской Полярной экспедиции ждали М.И. Бруснев (участник экспедиции, еще весной отправленный Толлем из Айджергайдаха в дельту Лены) и вместе с ним старый Джергели с сыном, которые приехали поприветствовать Толля. Джергели был сильно опечален, когда узнал, что на «Заре» нет его бывшего начальника. Со слезами на глазах обратился он к Ф.А. Матисену: «Тебя вижу — все равно, что его вижу». Восьмидесятилетний старик выразил желание ехать за начальником экспедиции на оленях, как только замерзнет море [Виттенбург 1960: 174].

Через несколько дней к острову подошел пароход «Лена», на который был перегружен обширный научный материал, собранный за два года экспедицией Толля.

В январе 1903 г. на поиск следов партии Толля отправился отряд во главе с А.В. Колчаком. Плыть с Колчаком согласились участники Полярной экспедиции боцман Бегичев и матрос Железников. Старый проводник Толля Джергели нашел четверых каюров, помог купить полторы сотни ездовых собак. В августе 1903 г. члены спасательной экспедиции достигли острова Беннетта и обнаружили две стоянки Толля. На них были найдены следы костров, рубленый плавник, служивший топливом, и собранные коллекции. А на мысе Эмма, названном Э.В. Толлем именем своей жены, в груде камней лежала бутылка с тремя записками, последняя из которых была датирована 23 октября 1902 г.

⁸ Даты и некоторые подробности последнего перехода стали известны благодаря найденным на следующий год на острове Беннетта запискам Э.В. Толля. Дневники же его экспедиции, которые исследователь вел до дня отправления с острова Котельный, были предусмотрительно запаяны в коробку и перевезены на материк, благодаря чему мы можем их читать опубликованными в книге.

Комиссия по изучению Якутской АССР и экспедиции А.А. Романова и П.В. Слепцова

Большой прорыв в сборе этнографических коллекций по хозяйству и традиционной культуре долган был сделан в первой трети XX в. К 1925 году работа Академии наук строилась так, что научные разработки проблем велись отраслевыми институтами и музеями. Общие же комплексные проблемы изучались специальными комиссиями, которые состояли из сотрудников, направляемых научными учреждениями академии. Комиссии были постоянными, как, например, Полярная, и временными, которые создавались по мере необходимости.

Постоянная Полярная комиссия не один раз указывала на необходимость исследования Северо-Восточной Сибири, однако средств на эти работы не выделялось. Ситуация изменилась, когда весной 1924 г. в Академию наук обратился представитель Якутской республики Максим Кирович Аммосов (рис. 34) с просьбой организовать изучение производительных сил Якутии. В его письме ставились основные проблемы и направления, которые предстояло всесторонне изучить: население, главным образом демографические процессы, животноводство, включая оленеводство и собаководство, земледелие, пушной и рыбный промыслы, кустарную промышленность.

Четвертого апреля 1925 г. общее собрание Академии наук утвердило создание новой комиссии — Комиссии по изучению Якутской АССР (КЯР), в состав которой вошли шесть академиков и представители Главнауки, Наркомпути, Наркомздрава, Северного Научно-исследовательского института и др.

Экспедиция поставила задачу всесторонне исследовать территорию Якутской Республики, принимая во внимание ее колоссальное пространство, малонаселенность, дальность исследуемых районов от обитаемых пунктов и плохое развитие, а местами полное отсутствие путей сообщения.

Кроме работ на территории собственно Якутии, исследования проводились также на северо-востоке Красноярского края и в районах, пограничных с Хабаровским краем. На протяжении шести лет (с 1925 по 1930 г.) в экспедиции было задействовано 11 отрядов, среди которых был и охотничье-промысловый (он работал на северо-западе Якутии, между реками Леной и Хатангой).

Во время проведения экспедиции и по ее окончании в научный оборот вошли более 80 крупных исследований, среди которых значились 39 выпусков «Материалов Комиссии» и 47 названий «Трудов Комиссии», в том числе работы по истории и этнографии народов Якутии. Музеи Ленинграда и Якутска пополнились ценными коллекциями по этнографии коренных народов региона.

Ленинград в то время располагал основным потенциалом научно-исследовательских учреждений в стране (в том числе и этнографического профиля), сотрудники которых могли с успехом решать поставленные перед ними научные задачи. Все полевые материалы, полученные в результате проведения стационарных работ, обрабатывались и затем публиковались именно в этом городе. Для темы нашей статьи важны результаты работы охотничье-промыслового и этнографо-статистического отрядов. Они работали в 1926–1928 гг. на территории между Таймырским полуостровом и р. Леной, там, где 30 лет назад про-

ходил маршрут Э.В. Толля. Руководителями отрядов были соответственно А.А. Романов⁹ и П.В. Слепцов¹⁰.

Весной 1926 г. А.А. Романову, который был тогда еще студентом Лесотехнического института, Якутской Комиссией было поручено провести исследование пушного и охотничьего промыслов в зоне тундры и лесотундры между реками Леной и Хатангой. Как отмечал А.А. Романов, до проведения его экспедиции почти все исследователи, посещавшие ранее этот регион, проходили преимущественно по долинам крупных рек (Лена, Оленек, Анабар, Хатанга) или по побережью моря Лаптевых [Романов 1933: 13]. Поэтому ему предстояло пересечь междуречные пространства этого региона, слабо освещенные в географическом отношении (не говоря уже об этнографии района), и параллельно с изучением промыслов заняться географическими исследованиями, в частности сбором картографических материалов.

С этой целью в продолжение всего периода экспедиционных работ 1926–1927 гг. исследователем проводилась глазомерная съемка, которой было охвачено до 3000 км основных маршрутов. А.А. Романову удалось побывать почти во всех селениях и стойбищах кочевников, расположенных на территории Лено-Хатангского края, вследствие чего ему приходилось иметь дело непосредственно с людьми, промышлявшими и кочевывшими в одних и тех же местах всю свою жизнь.

Составляя карту, при расспросах он чаще прибегал к методу нанесения схем самими кочевниками, на что они всегда охотно соглашались и с большим интересом старательно вычерчивали все географические подробности, которые им были известны.

В процессе составления карт промысловых участков и уточнения особенностей топографии, когда участвовало несколько человек, каждый рисунок подвергался всестороннему обсуждению и критике наилучших знатоков избираемого участка. Критика нередко приобретала форму небольшого диспута, и вместо одной схемы предлагалась другая, по мнению автора, более совершенная. Когда составители схемы приходили к согласию, А.А. Романовым

⁹ Романов Александр Андреевич (1902–1942). Родился в Саратовской губернии, учился в Саратовской лесомелиоративной школе. Прослушав теоретический курс в Лесотехнической академии в Ленинграде по лесохозяйственному факультету, А.А. Романов в 1931 г. окончил Высшие геологические курсы Геолого-разведывательного института в Ленинграде. В 1938 г. Московский государственный университет присвоил ему ученое звание кандидата географических наук без защиты диссертации. В 1926–1928 гг. трудился научным сотрудником в Якутской экспедиции АН СССР по изучению пушного промысла на территории между устьями Лены и Хатанги. Работал во Всесоюзном Арктическом институте в качестве научного сотрудника (биолога). Исполняя обязанности в указанном институте, совершил две экспедиции в Якутию, одна из которых продолжалась 2,5 года. Последнее место работы — Институт Полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства Главсевморпути. Скончался в блокадном Ленинграде.

¹⁰ К сожалению, в нашем распоряжении не было сведений о биографии исследователя, кроме того, что П.В. Слепцов был уроженцем 1-го Жехсогонского наслега Ботурского улуса и родился в 1881 г. В архиве РАН в Санкт-Петербурге имеется такая информация: «У краеведа Петра Воинифатьевича Слепцова есть материалы по этнографии <...> якутов и тунгусов. Он — художник, есть картины. Записи на якутском языке. Материал собирает более 15 лет. Альбом орнаментов якутов и тунгусов около 500 зарисовок. Материалы для подробного описания шаманского костюма (всех его частей и особенно привесок). Материалы о кузнечном искусстве якутов» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед.хр. 33. Л. 95). Известно также, что П.В. Слепцов скончался в Ленинграде 26 марта 1932 г. и был похоронен на Богословском кладбище (СПФ АРАН. Оп. 174. Ед. хр. 404. Л. 85).

записывались названия рек, озер, гор и проч. Причем как бы ни была обширна территория, охваченная схемой, никогда не было случаев, чтобы при повторной проверке автор сделал ошибку, перепутав названия и расстояния.

В Булунском районе А.А. Романов обследовал Булунский, Кюпъэджанский, Кумахсуртский, Тюмятинский, Быковский, Туматский, Арынский и Оленекский советы, в Анабарском районе — Анабарский, Джесейский и Саскылахский. В Хатангском районе исследователь работал на территории Попигайского, Корго-Кюельского, Блудновского и Хатангского советов. Не являясь профессиональным этнографом, А.А. Романов оставил в своих полевых дневниках замечательно точные наблюдения относительно характера, особенностей традиционной культуры населения, кочевавшего на огромных пространствах этого региона. В его поле зрения всегда попадали местные кочевники — тунгусы, якуты и долганы, а также потомки русских старожилов (так называемые затундринские русские), давно смешавшиеся с коренными жителями.

Метисация этих групп населения продолжалась в течение нескольких столетий, и определение этнической принадлежности населения было настолько сложным, что на страницах этнографической печати и в переписных материалах того времени вылилось в ожесточенную научную дискуссию. Еще более эти дискуссии приобретали политический характер в связи с тем, что это были годы территориальных изменений в Красноярском крае и ЯАССР, а также в связи с землеотводными мероприятиями в целях создания колхозов и коллективизацией.

И, конечно, будучи руководителем охотничье-промыслового отряда, Романов все свое внимание сосредоточил на изучении промысловых животных и особенностей охоты у местных жителей.

Жизнь этого сурового северного края настолько захватила А.А. Романова (впрочем, как и всех полярных исследователей), что очень скоро, в 1933 г., он снова приезжает в эти края, правда, уже по заданию Полярного управления Главсевморпути. Имея опыт работы в этом регионе и общения с местными охотниками-оленеводами, он продолжил свои исследования, результатом которых стала монография «Пушные звери Лено-Хатангского края», опубликованная в 1941 г.

Кроме путевых заметок о населении края, материалов по охотничьему промыслу А.А. Романов для Кунсткамеры собрал три небольшие, но интересные коллекции. Коллекция 3641, насчитывающая 10 предметов, содержит маут для ловли оленей, предметы нартенной упряжи, мужское и женское верховые седла, а также выючное седло. Относительно последнего А.А. Романов писал, что на некоторые выючные седла олениводы привязывали иконы для сохранности груза.

Коллекция 3642 (30 предметов) по промысловой одежде, собранная в низовьях Лены, Анабара и Хатанги у местных охотников «долгано-якутов», включает в себя: летнюю и зимнюю шапки, летний и зимний *сокуй*, летние и зимние парки, летние штаны из пыжика и ровдуги, зимние штаны из осенних шкур оленя, меховые чулки, короткие и длинные торбаса, зимние меховые чулки, шарф из мятой оленьей шкуры, оленье одеяло из мятых оленьих шкур, праздничные торбаса из оленьих лап с орнаментом, вышитым бисером по сукну, и др.

Коллекция 3643 по охотничьим орудиям промысловиков (46 предметов) содержит кремневое ружье, винтовку пистонную, гладкоствольную берданку, чехол для ружья *саа хаата* из оленьих лап, натруску, железное копьё для охоты на оленей во время переправы, ствольный самострел, *чаркаан* — ловушку для ловли горноста, самострелы на дикого оленя, стрелы, лук для охоты на линных гусей, сети для ловли весенних уток и пояс промысловика.

Зарегистрировал и подробно описал предметы этих коллекций А.А. Попов, которому принадлежит подавляющее большинство публикаций по традиционной этнографии долган.

А.А. Романов привез в МАЭ РАН фотоколлекцию, которая зарегистрирована под номером 4415. В ней отображены природа севера Якутии, коренные жители, их традиционная культура и быт.

На рис. 35 запечатлен вид на дельту Лены с Хараулахского хребта. Дельта Лены — одна из самых больших речных дельт в мире, ее общая площадь составляет 45 тыс. км². Впервые она была описана и нанесена на карту Ленско-Енисейским отрядом Великой Северной экспедиции под командованием Василия Прончищева в августе 1735 г. Ленская дельта начинается примерно в 150 км от моря Лаптевых. До этого моря до Северного Ледовитого океана проложили себе путь три главные протоки: западная — Оленёкская, средняя — Трофимовская и восточная — Быковская. В систему дельты Лены входят и множество мелких протоков, образующих более полутора тысяч островов. Там, где главное русло реки разветвляется на крупные протоки, возвышается из воды остров Столб (см. ниже) — достопримечательность устья Лены. К западу от него находится гора Америка-Хая, где находится место гибели членов американской экспедиции Джорджа Де-Лонга, отправившейся в 1879 г. на американском паровом судне «Жаннетта» покорять Северный полюс. После того как судно раздавили льды, экспедиция разделилась на три отряда, два из которых погибли. Двенадцать офицеров и матросов под командованием Де-Лонга умерли здесь, в дельте Лены, от голода и холода.

На рис. 36 показан поселок Булун. Это бывшее селение в Булунском улусе Якутии, ликвидированное в 1957 г. Булун был расположен напротив ныне существующего села Кюсюр, в устье одноименной реки, на левом берегу реки Лены, в 120 км к юго-западу от поселка Тикси. Поселок был основан жителями Жиганска, покинувшими его в 1805 г. и бежавшими на север, по-видимому, от эпидемии оспы.

На 1891 г. в поселении Булун Якутского округа Якутской области проживало 35 жителей, позднее здесь находилось 15 дворов с 65-ю жителями, располагались также церковь Михаила Архангела, сельское училище, инородческая управа и запасный хлебный магазин.

Булун располагался в центре наиболее удобных для ловли рыбы песков. Сюда приплывали бригады рыбаков на промысел даже из Якутска. Такое благоприятное месторасположение придавало селению постоянный рост. Этому способствовало также и то обстоятельство, что поселок находился на перекрестке торговых дорог: с одной стороны на запад — на Оленек, Анабар и Хатангу, с другой стороны на восток — на Яну и Индигирку. Весь этот чрезвычайно протяженный район побережья Ледовитого океана находился на обеспечении товарами именно булунских купцов.

На кладбище старого поселка сохранилась могила Якова Федоровича Санникова (1844–1908). Обращает на себя внимание необычный для этих мест гранитный надгробный памятник потомку того самого купца, который в поисках пушнины и мамонтовой кости «открыл» таинственную землю, названную Землей Санникова. Есть в Булуне и могила кочегара Носова, участника экспедиции Э. Толля, искавшего Землю Санникова на яхте «Заря».

О промысловом «поселке» Быково (рис. 37) известно совсем немного: в сведениях из архивного документа, относящегося к 1824 г., указано: «При устье Лены, урочище Быков Мыс — 4 хозяйства, 20 чел., при собачьем скотоводстве занимаются летом и зимой ловлей рыбы сетями, также частью поколками во время плавов диких оленей и промыслом песцов своими пастями» [Гурвич 1966: 167].

Рис. 38. Остров Столб — известный природный памятник нижней Лены. Находящийся в верховьях дельты реки Лены, остров Столб представляет собой останец скальных пород, отторгнутый рекой от Хараулахского хребта. Внешне остров напоминает высокий массивный холм с довольно крутыми склонами и пологой вершиной. В 1920 г. участники экспедиции Ф. Матисена на пароходе «Лена» провели измерение его высоты, которая оказалась равной 104 м.

Рис. 39. Отправка товаров факторией «Холбос» для обмена на шкурки песца в тундрах Булунского округа. Деятельность факторий и агентуру союза «Холбос» в северных районах Якутии среди кооперативов являлась наиболее эффективной в 1920-е годы. Он использовал товарный аванс для обмена на пушнину, заключал договоры на поставку пушнины с частными торговцами и агентами, обеспечивал работу интегральных, многофункциональных и многолаговых типов кооперативов.

Развитие кооперации в условиях Якутии было обусловлено традиционным укладом хозяйства населения, географической и транспортной обособленностью, чрезвычайной отдаленностью от центра страны, низкой плотностью населения, своеобразными природными и климатическими характеристиками региона. Деятельность союза кооперативов «Холбос» внесла существенный вклад в становление и развитие экономики Якутской АССР.

На рис. 40 изображен ленский водный транспорт, представленный пароходом и баржами на Лене, а на рис. 41 показан исторический пароход «Веслекари», который в коллекционной описи обозначен как «приобретаемое якутским правительством» судно.

Исследовательское судно «Веслекари» участвовало в поисках Амундсена, вылетевшего на гидросамолете и покинувшего северный норвежский порт Тромсё 18 июня 1928 г. в поисках лагеря Нобиле. Когда радиосвязь с гидросамолетом «Л-47» прекратилась, пришлось обследовать район между Тромсё и островом Медвежий, а также между Северо-Восточной Землей Шпицбергена и Землей Франца-Иосифа. В этих районах участие в поисках потерпевших аварию принимали не только «Веслекари», но и «Седов», а также «Красин» во время своего второго плавания. Однако поиски окончились безрезультатно: гидросамолет с шестью членами французско-норвежского экипажа погиб в море.

По-видимому, судно «Веслекари» так и не было выкуплено правительством Якутии, поскольку позднее мы находим сведения, что это судно участвовало в исследованиях подводного рельефа в 1930-х годах после внедрения

в практику эхолотного промера. Работы американской экспедиции проходили на судне «Веслекари» в 1933 и 1937–1938 гг.

На рис. 44 запечатлен балок с железной печкой, с которым передвигались по тундре местные кочевники. Балок, или «нартенный чум» (сырга дьэ), который охотники-оленоводы использовали в качестве зимнего жилища по всему району Хатанго-Анабарской тундры и лесотундры, был одним из оригинальных и интересных по своему устройству переносных жилищ. Идея постройки и распространения балка в Лено-Хатангском крае принадлежала туханским купцам, которые разезжали по тундрам со своими товарами и скупали пушнину. По словам кочевников и знающих о прошлом края людей, купцы за всю долгую полярную зиму в тундре редко заходили в чум охотников-оленоводов и предпочитали заключать все торговые сделки с промысловиками у себя в балке, где устраивалось небольшое отделение для наиболее необходимых товаров, которые по мере надобности пополнялись из обозных нарт.

Для торговца и его «магазина» передвижение по бескрайним просторам тундры при достаточном числе транспортных оленей не представляло больших затруднений, и нередко вместе с купцами путешествовали и их жены. Для переездов по тундрам Хатанго-Анабарского района в конце XIX — начале XX в. балки использовали также местная администрация и фельдшер. «Очень любопытно бывает смотреть на поезд в тундре с балком, из трубы которого вьется дымок и стелется полоской позади. Безбрежное пространство тундры напоминает собой море, а балок можно уподобить движущемуся пароходу» (СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 11. Л. 339).

На рис. 45–47 представлены собаки — верные друзья в осуществлении арктических экспедиций в качестве транспортного средства и помощники в хозяйстве коренного населения арктической зоны. Эдуард Толль писал: «Нигде не было совершено на собачьих нартах путешествий столь большой протяженности, как в береговой полосе Сибирского полярного моря в XVIII и XIX столетиях. Этот факт связан с тем, что на сегодняшний день нигде так не развита езда на собаках и собаки настолько хорошо не дрессированы и не объезжены, как в арктической Сибири, особенно в ее восточной части начиная от Лены до Колымы» [Толль 1959: 95].

Уже во времена Врангеля собаки из Усть-Янска считались лучшими в Восточной Сибири. В 1885–1886 и 1893 гг. Толль имел случаи познакомиться с отличными свойствами этих собак во время своих поездок на Новосибирские острова. Поэтому, снаряжая свою экспедицию, он решил обеспечить себя несколькими хорошими собаками из той местности, и благодаря счастливому стечению обстоятельств ему представилась возможность взять на борт в Александровске-на-Мурмане (г. Полярный возле нынешнего Мурманска) 20 усть-янских собак. Все они были в отличном состоянии, несмотря на проделанное ими далекое путешествие. Находясь на борту «Зари», собаки также хорошо перенесли неприятное для них морское плавание, хотя жили крайне скученно и почти не были защищены от захлестывания волной. История этих собак заслуживает того, чтобы упомянуть об их путешествии.

По просьбе Э.В. Толля, в Верхоянске якутский казак Степан Расторгуев встретился с жителем с. Казачье Стрижеввым, который привез туда на оленьих нартах собак из Усть-Янска. Погрузив на 10 оленьих нарт клетки с собаками, он повез их в Якутск. Отсюда на трех тройках собак довели в Жигалово. Когда

началась распутица, сани пришлось сменить на колеса. Почва почтового тракта, таявшая днем, ночью снова замерзала. Чтобы избежать вредной для собак тряски на безрессорных почтовых телегах, ехали только днем, а ночи проводили на почтовых станциях. Далее собаки прибыли в Иркутск и продолжали путь по железной дороге. Животные проделали огромное расстояние от Усть-Янска через Верхоянск, Якутск, Иркутск, Москву, Архангельск за три месяца. Причем собаки ехали частью на оленьих нартах, частью на почтовых лошадях, на саних и телегах и, наконец, по железной дороге в самую жару. Несмотря ни на что, они все прибыли в отличном состоянии, что было чрезвычайно важно для арктической экспедиции.

На рис. 48–54 представлены различные типы жилищ северных якутов и тунгусов, бытовавшие в 1930-х годах в Хатанго-Ленском регионе. Стойбища охотников-оленеводов, кочующих по р. Анабар, обычно состояли из одного-трех чумов, редко больше. Но в каждом чуме размещалось от двух до пяти хозяйств общей численностью до 25 человек. Перенаселенность чумов здесь объяснялась нехваткой дров, которые собирали у моря или в Анабарской губе и возили издалека. Поэтому на зиму кочевники объединялись по несколько семей. Зимой они часто предпринимали небольшие передвижения на 10–15 км, реже на 20–30 км, прикочевывая поближе к заготовленным дровам — плавнику.

Ленские рыбаки (чаще всего из якутов), приезжавшие из Якутска в дельту Лены для промысла рыбы на «песках», пользовались урасой, конструкция которой была близка к чуму оленеводов. Однако вместо ровдуги и оленьих шкур ее покрывали корой лиственницы, которую рыбаки привозили с собой. Железную печь здесь обычно заменяли простым очагом, устроенным в середине урасы. Над очагом на железных или деревянных крюках подвешивали котлы и чайники. Дым от костра вытягивался в верхнее отверстие. Для сна и сиденья по краям жилища устраивали дощатые нары, немного возвышавшиеся над землей.

Местные охотники и рыбаки в дельте Лены, у которых не было домашних оленей, во время летних промыслов пользовались урасой, верх которой покрывали самой дешевой тканью, часто ситцем, иногда вместе с корой. Остов такой урасы устанавливали из плавникового дерева. Будучи один раз построенным, такое жилище навсегда оставалось на своем месте, и в дальнейшем охотники обычно пользовались уже готовым остовом, возя с собой в лодках-ветках лишь одну крышку.

На рис. 55 запечатлены промышленники, направляющиеся на ветках на промысел северного оленя. «Раньше, когда на оленей охотились тихо на плаву копьем, олени на суше совсем не боялись человека и безбоязненно проходили около жилья. Человека пугались олени лишь на воде. Выходя же на берег, чувствовали себя в безопасности. Чем больше стали завозить берданок, тем меньше становилось оленей». — Из рассказов хатанго-анабарских промысловиков, 1930-е годы (СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 6).

Охота в тундре на дикого северного оленя с давних времен была основой экономики заполярных кочевников Сибири. Одним из таких регионов была территория между Таймыром и Леной. Здесь проходят миграции двух крупнейших популяций северного оленя, в которых насчитываются сотни тысяч диких животных.

Хозяйственный цикл коренного населения — долган, эвенков, северных якутов — традиционно основывался на промысле «дикаря», который обеспечивал северных кочевников мясом, а также шкурами для шитья одежды и покрытия для жилища.

Добыча оленей на переправах была очень важным промысловым способом, так как позволяла за короткий срок обеспечить себя мясом на длительное время. Так, в начале XX в. в дельте Лены за удачный сезон приходилось до трехсот добытых животных на одного промысловика.

Обычно олени приходят на одни и те же известные им переправы. Небольшие стада, опасаясь заходить в реку, обычно ожидают подхода других групп, пока постепенно на берегу не соберется большое стадо в несколько сотен или даже тысяч голов. Охотники обычно пропускали через реку первое стадо, не потревожив его. Тогда следующие олени входили в воду, не задерживаясь на берегу.

Олени очень уязвимы в воде. Охотники на легких лодках догоняли их, сбивали в плотную массу и направляли против течения, чтобы животные быстрее устали. Кололи оленей копьем с длинным древком, стараясь ударить животных под последнее ребро или в почки. При хорошо поставленном ударе опытный охотник убивал оленя одним ударом.

Охота на песцов (рис. 56–66). По всей Лено-Хатангской тундре был распространен белый песец, охота на которого играла большую роль в жизни местного населения. Шкурки этого зверька в северных условиях служили эквивалентом обмена на различные товары и продукты питания, а изначально ими расплачивались за разные государственные повинности. Мелкие оленеводы выменивали на песцов оленей у крупных оленеводов. На одного песца можно было выменять оленя-быка и молодого двухлетнего оленя. А за двух песцов можно было получить верхового оленя учак.

Песца охотники добывали пастями-ловушками и капканами. Места их установок были разбросаны на десятки и сотни километров по тундровым речкам и вдоль морского побережья.

Выезжая на осмотр пастей, который обычно продолжался от двух до четырех недель, каждый охотник запрягал в легкие нарты четырех наиболее выносливых оленей, а кроме того брал еще одного-двух запасных. На морском побережье и в низовьях р. Хатанги оленей заменяли собачьи упряжки. С собой охотник брал нарту с дровами, а для ночлега — охотничий балок или шестовой чум с железной печью. Насторожив пасти, он занимался ловлей песцов капканами и охотился на дикого оленя.

Одному охотнику приходилось проверять около 300–400 пастей-ловушек. Если в промысловом сезоне песца было много, то капканы проверяли каждый день, а пасти — раз в полмесяца.

Песцовые пасти представляли собой самоловы, давящие пушного зверя падающей сверху тяжестью (гнета или бревна). При среднем расстоянии между пастями 500 м и хорошей погоде охотник успевал насторожить за короткий ноябрьский день до 30 пастей. Если пасти были удалены от мест зимних стоянок на 200–300 км, то на переезд только в одну сторону уходило от трех до пяти суток, а вся операция по настораживанию ловушек занимала до 15 дней.

Летом в капканы охотникам-олeneводам попадался тарбаган (рис. 66). Весной с прилетом птицы в тундру и до ее отлета на юг оленеводы во время перекочевков охотились на уток, куропаток и гусей.

Утку добывали сетями, которые устанавливали на озерах (рис. 67). Из ее пера делали подушки, а мясо использовали в пищу.

Добыча куропаток достигала сотен штук на одного охотника и вся употреблялась на месте, так как из-за удаленности сообщения вывоз ее не практиковали. При специальном промысле в день можно было бы легко добывать до 100–150 штук этой птицы. Ловили куропаток с помощью сети, установленной наклонно к земле. Птицу могли и загонять в сеть. Она должна была стоять свободно, не натянута, чтобы птица в ней запуталась. Нижний край сети обязательно притаптывали снегом, а летом укрепляли на земле колышками (рис. 68).

На рис. 69 изображен промысловик, который снимает кору с тальника. Использование коры тальника практиковалось местными жителями в нескольких случаях: ее могли использовать в медицинских целях, для изготовления орудий труда (например, поплавок для сетей) или в качестве сырья для окрашивания кожи.

На трех фотографиях (рис. 70–72) изображен тунгусский шаман по фамилии Петров. На одном из снимков (рис. 70) он запечатлен возле дома с семьей. К сожалению, в коллекционной описи кроме этой информации отсутствуют какие-либо сведения.

В 1928 г. по заданию Якутской комиссии Академии наук СССР в пределах Хатанго-Анабарского района работал этнограф П.В. Слепцов¹¹. 19 августа 1927 г., по согласованию с М.К. Аммосовым, Комитетом Севера, Обществом «Саха-Кескиле» он был назначен начальником этнографо-экономического отряда (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 57).

Первоначально путь следования Слепцова в Хатанго-Анабарский район должен был пролегать из Якутска в Красноярский край через оз. Ессей в бассейне Хатанги, Анабары и Оленека до их устьев. Однако под влиянием обстоятельств маршрут был изменен. 21 января 1928 г. исследователь выехал из Якутска на север, в Булун, куда прибыл 15 марта, совершив переезд через Верхоянский хребет по р. Дулгалах, Бытантай и Омолой.

Первого апреля он отправился из Булуна на запад и, пользуясь долинами р. Пур и Уджи, 11 апреля достиг р. Анабар. Затем Слепцов пересек р. Попигай и 29 апреля достиг р. Хатанги несколько севернее полуострова Кресты.

Переправившись по льду на западный берег р. Хатанги, П.В. Слепцов тундрой, следуя далее вверх по р. Хатанге (ее берегами и по самой реке), 8 мая прибыл в селение Хатанга.

Подготовившись для перекочевков летом в прихатангской тундре, П.В. Слепцов в конце мая, пользуясь еще нартенным путем, выехал из Хатанги на север к устью р. Артельная. Отсюда в течение следующих пяти месяцев до конца ноября исследователь предпринимал длительные перекочевки вместе с местными охотниками-оленеводами по р. Хатанге, между сел. Хатанга и полуостровом Кресты, а также по тундре, преимущественно в системе нижних притоков р. Санга-юрях.

¹¹ Из телеграммы П.В. Виттенбурга в пос. Амга ЯАССР этнографу П.В. Сойкконену от 30 июня 1927 г.: «Сегодня вырешилась организация этнографического отряда цели исследования этнографические бассейнов Хатанги, Анабара и Оленека настоящем году отправление первым зимним путем из Якутска Руководитель Слепцов Петр Бонифатиевич Прошу Вас прибыть Якутск пятого августа цели преподавания методологии исследования» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 157).

Двенадцатого ноября 1928 г. из Дудинки от Слепцова была получена телеграмма следующего содержания, по-видимому, переданная им с оказией из Хатанги: «Хатангский приехали начале (,) мая до распутицы ездили речки Большая Балахна период распутицы провели речке Новая (,) изучали жизнь обычной обстановке оленевка зверопромышленника (,) Навигацией ездили лодкой вниз полуострова Кресты (,) вверх слияния Котуя Хетой (,) знакомились рыболовством, осенняя распутица будет проведена устье речки Новая (,) где собирается большинство туземцев Хатанги... Маршрут обратно намечен старый (,) которому приехали (,) Ввиду спешности продвижения из-за весенней распутицы районы Анабара Оленека не изучены достаточной мере... обратном пути (,) собираем коллекции музея... думаем Якутск приехать феврале Начальник Слепцов» Отправлено 20 октября 1928 г. (СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 200).

Двадцать первого ноября Слепцов покинул бассейн Хатанги и на нартенных упряжках отправился на восток по направлению к поселку Булун, куда прибыл 15 апреля 1929 г. В конце месяца он выехал из Булуна по р. Лене через Жиганск в Якутск [Романов 1933: 34–35]. В Якутске Слепцов сделал доклад на заседании представителей ЦИК и Якутской комиссии и выехал на год в Ленинград для обработки экспедиционных материалов.

В результате проведения экспедиции П.В. Слепцов собрал большой этнографический, а также картографический материал распросного характера в виде 80 схем, который был получен во время проведения исследований от местных кочевников. В одном из дел, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, указывается, что П.Б. Слепцов получил для обработки 26 мая 1931 г. собранный им материал, который озаглавлен «Этнографические материалы Хатанго-Анабарского этнографо-экономического отряда экспедиции АН, собранные П.В. Слепцовым 1928/29 гг.». В его оглавлении указаны следующие позиции:

- ботанический гербарий и опись к нему;
- географического-экономические и этнографические карты и маршруты;
- фотоснимков — 38;
- музейных экспонатов — 448 (на сумму 2863 руб. 71 коп.), с описью предметов и указанием места приобретения;
- посемейные списки наслегов Булунского округа;
- статистические сведения о Булунском округе;
- список граждан некоторых наслегов;
- прейскурант твердых цен на товаропродукты;
- посемейный список и статистические сведения тунгусов Кюп-Эженского наслега;
- количество пастей в Хатанго-Анабарском районе;
- журнал метеорологических наблюдений. — Всего: 997 стр. (СПФ АРАН. Ф. 174. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 1–2).

В.Н. Васильев, будучи секретарем КЯР, разработал на нескольких страницах подробнейший план написания монографии для П.Б. Слепцова. Известный исследователь Якутии, автор «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарский также пытался помочь ему. «Ко мне поступила для просмотра часть монографии П.Б. Слепцова на якутском языке, именно: промыслы, ремесла, оленеводство, станционная гоньба и “Приложения”: материал фольклорный (рас-

сказы, загадки) и лингвистический», — писал он в справке (СПФ АРАН. Ф. 174. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 80). Однако в архиве РАН хранятся лишь черновые материалы, часть из которых была приведена в порядок якутскими исследователями, работавшими с фондом Слепцова. Как бы то ни было, ни отчета, ни предполагаемой монографии по результатам работы экспедиции так и не было написано.

Этнографические коллекции, собранные во время проведения Хатанго-Анабарской экспедиции П.Б. Слепцова (№ 4128 — 480 предметов быта и культуры; 4129 — 150 предметов), самые многочисленные по долганской этнографии в Кунсткамере. Собрание исследователя охватывает все стороны вещной культуры молодого этноса: предметы одежды и обуви, орудия труда, одежда шаманов и их атрибуты, детские игрушки. В капитальной статье А.А. Попова по материальной культуре долганского этноса [Попов 1958: 5–121] ученый использовал для иллюстрирования своей работы четыреста снимков, сто сорок из которых — фотографии, сделанные с коллекций П.Б. Слепцова.

Из фотоснимков, привезенных П.Б. Слепцовым из Хатанго-Анабарской тундры, несколько фотографий были использованы А.А. Поповым для его статьи об охоте и рыболовстве у долган [Попов 1937: 147–206].

На рис. 73 запечатлены два промысловика после удачной охоты на диких оленей. По Лено-Хатангскому краю в первой трети прошлого столетия охотники ежегодно добывали до 10 000 диких животных.

На западе региона больше всего оленей добывалось в советах Хатангского района: в Попигайском и Блудновском, которые располагались на путях осенне-весенних миграций таймырского стада. Ежегодная добыча одного охотника здесь достигала 100, а иногда и больше голов. Далее к востоку оленей промыслили значительно меньше. На востоке региона охотились в дельте Лены и прилегающих районах. Так, в начале XX в. в дельте Лены на одного промысловика за охотничий сезон приходилось до 200–300 добытых оленей [Дьяченко 2005: 137].

Уникальный снимок охотника и оленя-манщика с петлей на рогах (рис. 74) был сделан П.Б. Слепцовым в Хатанго-Анабарском регионе. Охота на дикого оленя в Лено-Хатангском регионе имела огромное значение в жизни местных жителей, особенно в тех местах, где проходили миграционные пути животных. Один из тунгусских князцов купского рода сообщал улусному голове в 1819 г. о различных способах охоты на диких оленей, среди которых указывался и промысел с таким манщиком: «Жители горных шести наслегов пропитываются от промыслов дикого оленного зверя, которого упромышливают в летнее время на плаву поволоком на озерах, реках и речках, а с половины сентября до половины и далее октября месяца во время гоньбы зверя занимаются по тундрам промыслами прирученными оленными порозами, навязывая слабо к рогам крепкие из жил сученые петли, и пускают на улов петлю к звериным порозам, когда же ученой пороз, к счастью промышленника, успеет надеть петлю на рога дикого зверя, удерживает от убегу ононого, и промышленник, убивая из лука, остается с добычею» [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 19].

Как упоминалось выше, коллекции, привезенные П.Б. Слепцовым, самые многочисленные из собраний по этнографии долган. К примеру, предметы оленеводства: недоуздок верхового оленя (*бастынга*) (рис. 75). Он представляет собой кожаный ремень в виде петли, который по бокам имеет два ровдуж-

ных ремешка. С их помощью недоуздок завязывается на затылке животного. *Бастынга* мужского верхового оленя никак не украшается в отличие от женского или грузового. Так, недоуздки женских оленей, точнее, налобные части ремня, обшиваются зеленым, желтым или красным сукном и орнаментируются бисером. Для управления оленем к нижней части недоуздка пришивается длинный поводок — *ньоугу*.

На рис. 76–77 изображена мужская зимняя одежда (сангыйак), сшитая из оленьей шкуры мехом наружу. Покрой распашной, спинка сшита из трех полотнищ. Ворот круглый, по краям обшит сукном зеленого цвета. Полы прямые, с завязками по краям. Спереди, на груди, наложен прямоугольный нагрудник из сукна, расшитый цветным бисером. Одним краем он пришит к парке, а другой привязывается ровдужными завязками. Ниже нагрудника в виде пояса вшита широкая полоса, вышитая орнаментом. Такая одежда широко бытовала у долган, которые легко заимствовали некоторые красивые, на их взгляд, элементы декора одежды в других культурах. Так, указанный нагрудник прямоугольной формы был заимствован ими у русских, носивших рубашку-украинку с вышитым передком.

Из предметов, относящихся к сфере духовной культуры, следует отметить шаманские костюмы (рис. 78–79), бубны (рис. 80) и другие атрибуты шаманства, которые Слепцов закупил для Музея антропологии и этнографии в достаточно большом количестве.

Библиография

- Визуальное наследие народов Якутии: фотографический мир А.П. Курочкина (конец XIX — начало XX века). Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2011.
- Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л.: АН СССР, 1960.
- Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1966.
- Дьяченко В.И.* Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб., 2005.
- Попов А.А.* Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии // СМАЭ. Т. XVIII. М.; Л.: АН СССР, 1958.
- Попов А.А.* Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сб. ст. М.; Л.: АН СССР, 1937.
- Романов А.А.* Описание карты Ленско-Хатангского края // Материалы по изучению Арктики. № 3 / Изд-е Всесоюзного Арктического института и СОПС Академии наук СССР. Л., 1933.
- Романов А.А.* Пушные звери Лено-Хатангского края. Л., 1941.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
- Толль Э.В.* Плавание на яхте «Заря». М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1959.
- Толль Э.В.* Экспедиция Императорской Академии наук 1883 года на Ново-Сибирские острова и побережье Ледовитого океана // Известия ИРГО. Т. XXX. СПб., 1894 (отдельный оттиск).